

Валерий Дымшиц
(Санкт-Петербург, Россия)

Научный сотрудник, Межфакультетский Центр «Петербургская иудаика»,
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, литера А
E-mail: vodym1959@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1099-9917

«Древние тюрки» и Арминий Вамбери. В поисках прототипа главного героя псевдоавтобиографических рассказов Бабеля

Аннотация: Очерк Исаака Бабеля «Финны» о Гражданской войне в Финляндии был опубликован в 1918 г. В этом очерке писатель всячески подчеркивает сходство финнов с кочевниками Азии, древними тюрками. Такое неожиданное уподобление указывает на знакомство Бабеля с сочинениями и биографией венгерского путешественника, востоковеда и лингвиста Арминия Вамбери. Сравнение русского перевода автобиографии Вамбери «Моя жизнь» с псевдоавтобиографическими рассказами Бабеля о детстве («История моей голубятни», «Первая любовь», «В подвале», «Пробуждение») позволяет предположить, что Вамбери послужил прототипом главного героя этих рассказов.

Ключевые слова: Исаак Бабель, Арминий Вамбери, Финляндия

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.2.2

Исаак Бабель был великим мистификатором.

Его постоянное творческое усилие состояло в том, чтобы показать «неопытному» читателю, что он, Бабель, пишет не художественную, а документальную прозу, не рассказы, а очерки или воспоминания [Дымшиц 2005]. Это утверждение полностью справедливо и для его псевдоавтобиографической прозы. Настаивая на «очерковости», «документальности», «фотографичности» своей прозы, Бабель постоянно подчеркивает отсутствие у нее всякой культурной глубины, отсутствие интертекстов и прототипов: персонажи должны восприниматься равными самим себе. В то же время внутри «очерков», «заметок», «фрагментов из дневника», «воспоминаний» писатель расставляет тайные знаки, позволяющие понять: это вымысел. Бабель пишет как бы два произведения – одно поверх другого: одно

для «всех», другое для «посвященных» или, может быть, только для себя. Все это делает задачу выявления прототипов персонажей бабелевской прозы не только увлекательной, но и содержательной, так как позволяет прочесть «скрытый» текст Бабеля.

Очерк Бабеля «Финны» о Гражданской войне в Финляндии был опубликован в 1918 г. наряду с восемнадцатью другими его очерками в газете «Новая жизнь», издававшейся Максимом Горьким [Бабель 2005, 313–316]. Тема очерка: отряд финских красногвардейцев собирается у советско-финской границы с тем, чтобы взять реванш в проигранной Гражданской войне. Более того, так как «белые» победили при содействии немецкого экспедиционного корпуса, то побудительные мотивы «красных» выглядят как попытка отвоевания родной Финляндии, захваченной оккупантами.

Малопонятной деталью этого образца ранней прозы Бабеля является уподобление финских красногвардейцев тюркам. Вот как он описывает внешность добровольцев, прибывших с Крайнего Севера, в очерке «Финны» [Бабель 2005, 313]:

Черные тела – без движения – вповалку лежали на земле. Мглистый свет бродил по татарским безволосым лицам. Ноги их были обуты в лосиные сапоги, плечи покрывал черный мех.

За поясом у каждого торчал кривой нож, тугие пальцы лежали на тусклых стволах старинных ружей.

Древние тюрки лежали передо мной – круглоголовые, бесстрастные, молчащие.

Бабель и дальше в тексте очерка продолжает добавлять внешности «древних тюрков» азиатские черты (все подчеркивания сделаны мной – В.Д.).

Вместо ответа они покачали лишь бритыми головами [Бабель 2005, 315].

<Офицер> навел <револьвер> на потушенное желтое скуластое лицо юноши, стоявшего впереди. Тот скосил узкие глаза, отвернулся, сгорбился [Бабель 2005, 315].

В своей предыдущей работе, посвященной образу Финляндии в прозе Мандельштама и Бабеля, я показал, что уподобление финнов библейским кочевникам-кедарам было необходимо писателю, чтобы представить Финляндию своего рода субститутотом Святой Земли [Дымшиц 2018].

Даже реалистические детали замаскированы писателем так, что выглядят нарочитым ориентальным орнаментом. В своей предыдущей статье, посвященной анализу этого очерка, я писал: «Во имя целостности «ориентального» облика появляются старинные ружья и кривые ножи. Они заткнуты за пояс, как ятаганы, хотя известно, что финский нож – прямой и его носят на поясе в ножнах» [Дымшиц 2018, 69]. Реальность оказалась интересней. В Интернете обнаружили групповые фотографии финских красногвардейцев.

Некоторые (далеко не все) позируют с заткнутыми за пояс кривыми кинжалами немалых размеров. При ближайшем рассмотрении эти кинжалы оказались бевутами, штатным холодным оружием русской армии начала XX в. Бевут – это кривой кинжал с длиной лезвия 44 см. С 1908 г. бевут был принят на вооружении младших чинов пулеметных команд. В 1909 г. бевут заменил шашки у всех нижних чинов артиллерийских войск. Понятно, что красногвардейцы были вооружены штатным русским оружием, в том числе и бевутами. Бабель не мог не знать, как называется это оружие и откуда оно взялось. Тем не менее он с помощью сознательного острания («кривые ножи») экзотизирует обычное солдатское оружие.

Но что же все-таки дало основание Бабелю изобразить финнов как тюрков-кочевников, да еще и «древних» впридачу?

Выдающийся финский лингвист Матиас Кастрен (1813–1852) создал теорию об общем происхождении уральских (в том числе финно-угорских) и алтайских (в том числе тюркских) языков. Эта теория была популярна во второй половине XIX – начале XX вв., но в современной лингвистике она отвергнута [Ramstedt 1946]. Бабель, очевидно, был знаком с этой теорией, и поэтому описал финских добровольцев как «древних тюрков». Эпитет «древний» тут очень значим. Писатель видит в выходцах из Заполярья не современных тюрков, а (в согласии с взглядами Кастрена) предков современных финно-угорских и тюркских народов. Север тут представляется своего рода «заповедником», сохранившим древнюю тюркскую «расу». Отсюда подчеркивание именно физических, сугубо азиатских, черт во внешности финских добровольцев: безволосые лица, круглые головы, желтые скуластые лица, узкие глаза.

Однако как именно Бабель мог познакомиться с сугубо лингвистической теорией Кастрена?

Самым знаменитым адептом теории родства тюрков и угро-финнов был последователь Кастрена, лингвист и путешественник, венгерский еврей Арминий Вамбери (Герман Бамбергер, 1832–1913). Именно благодаря огромной популярности Вамбери и его книг эта достаточно специальная лингвистическая теория стала известна максимально широкой публике. Попытка доказать родство венгерского языка с тюркскими языками и отыскать древнюю прародину венгров была главной целью прославленного путешествия Вамбери в Среднюю Азию (1861–1864). Вамбери писал [Вамбери 2003, 5]:

То, что венгерский язык относится к алтайской семье языков, знает каждый, но к финской или же к татарской ее ветви – вот вопрос, который ждет своего ответа. Этот вопрос, интересующий нас, венгров, по причинам научного и национального характера, был основной побудительной причиной моего путешествия на Восток.

В совершенстве владея турецким и персидским языками, Вамбери переделал дервишем и проник в закрытые для европейцев мусульманские государства Средней Азии – Хивинское ханство и Бухарский эмират. Вернувшись в Европу, он подробно описал свое путешествие в нескольких увлекательных книгах. Благодаря своему путешествию Вамбери прославился во всем мире, в том числе и в России. В связи с русским завоеванием Туркестана, последовавшим через несколько лет после путешествия Вамбери, его книги вызвали особенно большой интерес у русских читателей. Они неоднократно издавались по-русски: «Путешествие по Средней Азии в 1863 г. А. Вамбери» – трижды (1865, 1867 и 1874); «Очерки Средней Азии» (1868); «История Бухары, или Трансоксании, с древнейших времен до настоящего» (1873); «Очерки жизни и нравов Востока» (1877); «Моя жизнь» (1914). Известный библиограф и писатель-популяризатор Н.А. Рубакин описал путешествие Вамбери в книге «Среди опасностей» (серия «Приключения знаменитых путешественников», 1913). Армию Вамбери были посвящены обстоятельные статьи в Энциклопедии Брокгауза-Ефрона и в Еврейской энциклопедии¹.

О Вамбери, учитывая его еврейское происхождение, охотно писала еврейская периодика на разных языках. Еврей из традиционной семьи, ставший знаменитым путешественником и ученым, добившийся славы, общественного положения и сохранивший при этом верность своему народу, не мог не импонировать еврейской аудитории. Бабель, вероятно, читал книги Вамбери и/или книги и статьи о Вамбери и уяснил себе идею о том, что предками финнов были «древние тюрки». Иной путь знакомства Бабеля с этой лингвистической теорией представляется маловероятным.

В автобиографии Вамбери «Моя жизнь», как кажется, содержится непосредственный источник и очерка «Финны», и поздних псевдоавтобиографических рассказов. Но прежде чем перейти к предъявлению этого источника, обсудим достоверность самого очерка.

В очерке «Финны», как уже было сказано, речь идет о последних днях Гражданской войны в Финляндии. Эта война длилась с 28 января по 15 мая 1918 г., однако по существу закончилась раньше, так как уже 26 апреля просоветское правительство Финляндии и десять тысяч «красных» финнов оставили свой последний оплот – Выборг – и бежали на территорию советской России. Ключевую роль в победе «белых» в Гражданской войне сыграл

¹ Интересно, что популярность Вамбери не угасла и в Советском Союзе. В 1925 г. поэт Николай Тихонов выпустил повесть «Вамбери», начинавшуюся словами: «То был маленький, хромой еврейский мальчик. Звали его Герман Вамбери» [Тихонов 1957]. Эта повесть впоследствии выдержала множество переизданий. Среди прочих – в израильской серии «Евреи в мировой культуре». Это, кажется, единственная израильская публикация видного советского литературного функционера. О Вамбери писали также советские историки географии и популяризаторы науки.

немецкий экспедиционный корпус, введенный на территорию Финляндии по условиям Брестского мира.

Вот начало очерка «Финны» [Бабель 2005, 313]:

Красных прижимали к границе.

Гельсингфорс, Або, Выборг – пали.

Стало ясно, что дела красных плохи. Тогда штаб послал за подмогой на далекий север.

Месяц тому назад, на пустынной финской станции – там, где небо прозрачно, а высокие сосны неподвижны, – я увидел людей, призванных для последнего боя.

Они приехали с Кеми и с Мурмана² – из мерзлой земли, прилегающей к тундре.

Датировка описанных в очерке событий правдоподобна. Очерк был напечатан 11 июня 1918 г. в «Новой жизни». Бабель заканчивает его фразой:

² Текст восстановлен по публикации в газете «Новая жизнь», № 113 от 11 июня (29 мая) 1918 г. (Благодарю Элину Иоффе, которая помогла мне получить необходимую копию).

В разных изданиях напечатано: «Они приехали с Коми и с Мурмана» [Бабель 2005, 313], «с Камы и с Мурманска» [Бабель 1989, 310] или «с Коми и с Мурманска» [Бабель 1990, 6]. Все три прочтения одинаково бессмысленны. Конъектуры нигде не оговорены и не обоснованы. Все это свидетельствует, к сожалению, об очень низком уровне текстологической подготовки изданий Бабеля. Между тем в первом книжном издании этого очерка все было воспроизведено верно [Бабель 1979, 96]. (Благодарю Н.Г. Охотина, любезно подсказавшего это издание).

Во-первых, в описываемый период этноним «коми» не был известен, был распространен этноним «зыряне». Территории, которая бы называлась Коми, в 1918 г. не существовало. Невозможно предположить, чтобы в описываемый период на Карельский перешеек перебросили отряд с территории Прикамья или Северного Предуралья. Кроме того, автор называет добровольцев финнами и утверждает, что все они говорят на финском языке.

Во-вторых, город Романов-на-Мурмане был основан в 1916 г. и переименован в Мурманск в апреле 1918 г., то есть топонима «Мурманск» в момент написания очерка тоже не существовало.

Наконец, конструкция «с Коми и с Мурманска» выглядит откровенно малограмотной.

Кемь – река в Беломорской Карелии и одноименный город в ее устье. Северный диалект карельского языка близок к финскому языку. Город Кемь был центром карельского национального движения и формирования отрядов Красной гвардии, сражавшихся с войсками Маннергейма.

Мурман – название северного побережья Кольского полуострова. Именно на Кольский полуостров отступили весной 1918 г. финские «красные» из Северной Финляндии. Там их для отпора «белым», которые были союзниками немецких войск, поддержал и вооружил Английский экспедиционный корпус.

Конструкцию «с Кеми и с Мурмана» следует, очевидно, понимать как указание районов, определенных через гидронимы: «с берегов реки Кемь и с Мурманского побережья».

«Все это я видел на пустынной финской станции месяц тому назад» [Бабель 2005, 316]. Таким образом, события, описанные в очерке, происходят в начале мая 1918 г., когда, после падения Выборга, последние отряды финских красногвардейцев отходили на советскую территорию.

Труднее прокомментировать появление финских добровольцев, которые прибыли на Карельский перешеек из Заполярья. Как раз в это время отряды Маннергейма вступили на территорию Восточной Карелии и Кольского полуострова. Финская Красная гвардия вела с ними тяжелые бои, отбив 10 апреля нападение на Кемь и 10–12 мая – на Печенгу (Кольский полуостров). Автор статьи о Гражданской войне на Кольском полуострове пишет: «Основная тяжесть борьбы со вторгнувшимися в апреле на российскую территорию белофиннами легла на отряды финской и кемской Красной гвардии» [Тучков 2013]. Никаких сведений о перемещении с севера финских красногвардейцев к Петрограду в доступной литературе обнаружить не удалось.

Даже если какая-то часть финской Красной гвардии оказалась перемещена с «далекого севера» под Петроград, все равно ее бойцы вряд ли выглядели как «древние тюрки». Сюжет о «древних тюрках», который в критический момент, после поражения, приходят на помощь своему народу, Бабель напрямую заимствует у Вамбери, из его книги «Моя жизнь».

Как уже было сказано выше, делом жизни для Вамбери стала попытка доказать происхождение венгров и венгерского языка из Центральной Азии, от «древних тюрков». Вамбери утверждает, что с детства слышал от венгерских крестьян «сказки и легенды» о том, что их народ пришел из глубин Азии [Вамбери 1914, 136]. Самую красочную из таких легенд ему поведал старый крестьянин после поражения Венгерского восстания 1848–1849 гг. Вот она:

Первый толчок к изучению истории мадьяр я получил еще в детстве. Дело было в 1849 году, осенью, после сдачи крепости Комаром³. Помню, как мы с товарищами играли в поле. К нам подошли несколько гонведов (солдат), возвращавшихся с войны. Разбитые физически и нравственно, они стали рассказывать нам о своих злоключениях. Мы были глубоко опечалены тем, что нам рассказали солдаты. Но один старый крестьянин, присутствующий при этой беседе, нас утешил. «Не огорчайтесь, дети, – сказал старик, – все кончится хорошо. Всякий раз, когда с нами случается беда, к нам на помощь являются старые мадьяры из Азии, с которыми мы находимся в родстве». <...> «Стало быть, существу-

³ Крепость Комаром на Дунае – последний оплот венгерских повстанцев.

Очевидно сходство между Гражданской войной в Финляндии и Венгерским восстанием 1848–1849 гг. Белые финны победили красных с помощью немецких оккупантов; Венгерское восстание потерпело поражение, потому что на помощь австрийским войскам выступил Русский экспедиционный корпус под командованием Паскевича.

ют какие-то старые мадьяры», – подумал я, и с той поры эта мысль запала мне крепко в голову [Вамбери 1914, 137].

«Старые мадьяры» Вамбери – это и есть «древние тюрки» Бабеля.

В изложенной выше легенде отчетливо видно типологическое сходство с мифом о Десяти коленах Израилевых, которые живут где-то в «Азии», в «Африке» или в «Индии». Они придут на помощь евреям в мессианские времена во время эсхатологической битвы. Царство Десяти колен упомянуто в «Книге странствий Эльдада га-Дани» (IX в.) [Эльдад 2004, 19–45] и «Книге странствий Вениамина из Туделы» (XII в.) [Вениамин 2004, 160–166], причем загадочный Эльдад из колена Данова сам представляется выходцем из этого Царства. Русские переводы этих сочинений были изданы вместе с описанием путешествия Петахии из Регенсбурга, которое, по-видимому, позволило Бабелю уподобить тюрков библейским кедарам (подробнее об этом см. [Дымшиц 2018, 71]).

Миф о Десяти коленах, которые в мессианской перспективе встретятся с «обычными» евреями в Святой Земле, был в свою очередь одним из культурных источников сионизма. Описывая с опорой на Вамбери отряд финских красногвардейцев как «древних тюрков», Бабель заодно изобретает нечто вроде финского «сионизма». И тоже, видимо, не без влияния личности Вамбери. Ведь Вамбери, венгерский патриот, отправился в Среднюю Азию для того, чтобы отыскать «историческую родину» венгров. Это была по существу очень «сионистская» идея!⁴

Северные финны прибыли из далеких краев, чтобы освободить отчизну от немецких захватчиков. Именно это, а не классовая борьба служит для них побудительным мотивом. Финский офицер говорит бойцам: «Мы хотим знать, кто будет хозяином на нашей земле?» [Бабель 2005, 314]. Красногвардейцы напоминают «Мертвецов Пустыни», героев, воспетых пламенными сионистами Бяликом и Жаботинским [Дымшиц 2018, 69–71]. Существенно и то, что Бабель пишет свой очерк в начале июня 1918 г., когда Гражданская война в Финляндии закончилась победой «белых». То есть автор уже знает о героях своего очерка то, чего они сами не знали – их ждет поражение. Это усиливает сходство очерка с поэмой Бялика: Бабель пишет о живых, которые – и это известно и автору, и читателям – к моменту написания очерка в большинстве своем погибли.

Возможно, Бабель действительно усматривал сходство в финском и еврейском национальных движениях. Финское национальное движение возникло в 1899 г. как ответ на попытку русификации Финляндии и урезание

⁴ Впрочем, Вамбери участвовал и в настоящем сионистском движении. Он как знаток турецкой политики консультировал своего земляка, уроженца Будапешта, основателя политического сионизма Теодора Герцля. В 1900 г. Вамбери попытался организовать встречу Теодора Герцля и турецкого султана Абдул-Гамида II.

ее конституции, то есть почти одновременно с основанным в 1897 г. сионистским движением. Декларацию Бальфура о создании в Палестине национального очага для еврейского народа (2 ноября 1917 г.) от провозглашения независимости Финляндии (6 декабря 1917 г.) отделяет месяц. Эмоциональным аргументом в пользу сионистских интенций выглядит совпадение цветов национальных флагов Израиля и Финляндии – белый и голубой. Первый (две голубых полосы и голубая шестиконечная звезда на белом поле) был принят на Первом сионистском конгрессе в 1897 г. Второй (голубой крест на белом поле) предложен поэтом Сакариасом Топелиусом в 1862 г. В Гражданской войне и «красные» и «белые» использовали красный флаг, правда «белые» – украшенный национальным гербом. Но то, что «настоящий» финский флаг – бело-голубой, было широко известно. Не исключено, что все эти политические аллюзии позволили Бабелю увидеть финнов не только в библейской, но и в сионистской перспективе.

Очерк «Финны» убеждает в знакомстве Бабеля с книгой Вамбери «Моя жизнь». Личность Вамбери должны были произвести на Бабеля гораздо более сильное впечатление, чем его идеи.

Вамбери – очень бабелевский персонаж. Он родился в нищей религиозной еврейской семье в Венгрии, в местечке под Пресбургом (современная Братислава)⁵. Почти сразу после рождения потерял отца. Вамбери был от рождения болезнен и хром, ходил опираясь на костыль, голодал, терпел насмешки и страдал от антисемитских издевательств. Его детство прошло в традиционном хедере. Ни отсутствие начального светского образования, ни увечье, ни нищета не помешали Вамбери, преодолев неимоверные препятствия, стать разносторонне образованным лингвистом и филологом. Арминий Вамбери самостоятельно в совершенстве изучил свыше двадцати языков, среди которых несколько восточных. По рекомендации турецкого сановника учился в одном из медресе Стамбула. Это впоследствии позволило ему с успехом выдавать себя за дервиша в Средней Азии. Путешествие Вамбери было сопряжено не только с массой физических трудностей – он, хромым, прошагал сотни километров караванных дорог, – но и с тем, что разоблачение в запретных для европейцев среднеазиатских странах грозило ему смертью. Успех его путешествия был связан с тем, что он мастерски выдавал себя не за того, кем был на самом деле, легко находил общий язык (в прямом и переносном смысле слова) с самыми экзотическими людьми, мог всюду проникнуть, все увидеть, все услышать.

В успешном пребывании Вамбери среди опасных «азиатцев», принимающих его за «своего», легко увидеть тот идеал, к которому безуспешно стремится во время своего пребывания среди казаков протагонист «Кон-армии» – Лютов.

⁵ Словакия в XIX в. была частью Венгерского королевства.

Чтение начальных глав «Моей жизни» позволяет предположить, что Вамбери был прототипом главного героя псевдоавтобиографических рассказов Бабеля «о детстве», обычно объединяемых в цикл «История моей голубятни»: это, во-первых, диптих «История моей голубятни» – «Первая любовь» (1925) [Бабель 2005, 182–194]; во-вторых, рассказы «В подвале» (1929) [Бабель 2005, 194–203] и «Пробуждение» (1930) [Бабель 2005, 313], оба были опубликованы в 1931 г. Известно, что к реальному детству Исаака Бабеля все эти рассказы не имеют почти никакого отношения. Всякие сомнения развеивают мемуары жены писателя А.Н. Пирожковой [Пирожкова 1989, 283]:

Нарушив обычное правило не говорить с Бабелем о его литературных делах, в Одессе я как-то спросила, автобиографичны ли его рассказы?

– Нет, – ответил он.

Оказалось, что даже такие рассказы, как «Пробуждение» и «В подвале», которые кажутся отражением детства, на самом деле не являются автобиографическими. Может быть, лишь некоторые детали, но не весь сюжет. На мой вопрос, почему же он пишет рассказы от своего имени, Бабель ответил:

– Так рассказы получаются короче: не надо описывать, кто такой рассказчик, какая у него внешность, какая у него история, как он одет...

Главный герой рассказов Бабеля – еврейский подросток. Он растет в бедной, достаточно традиционной еврейской семье; слаб здоровьем и плохо физически развит; очень любит читать и обладает неудержимой фантазией.

Сравним детство Арминия Вамбери (цитаты обозначены буквой **В** и приведены по изданию [Вамбери 1914]) и детство героя бабелевской «автобиографической» прозы (цитаты обозначены буквой **Б** и приведены по изданию [Бабель 2005]). В скобках указаны номера страниц.

1. Отец героя – человек доверчивый, честный, не от мира сего, вынужден торговать с крестьянами.

В. *В обыденной жизни он был робок и застенчив.* (4)

В. *Сколько требовалось самоотверженности, чтобы отказаться от фантастически роскошного мира талмудических легенд и сказаний и, погрузившись в прозу жизни, отчаянно торговаться из-за мешка бобов или гороха, из-за какой-нибудь овчины или козьей шкуры.* (6)

Б. *В лавке нашей, полон сомнения, сидел и скребся мужик-покупатель.* (154)

Б. *Но отец мой был доверчивый к людям, он обижал их восторгами первой любви, люди не прощали ему этого и обманывали. Отец верил поэтому, что жизнью его управляет злобная судьба, необъяснимое существо, преследующее его и во всем на него не похожее.* (155)

2. Бедность.

В. Голод, холод, насмешки, оскорбления сыпались со всех сторон. (45)

В. Я сидел, стараясь не отрывать глаза от книги и испытывая ужасающие муки голода. (52)

Б. Я происходил из нищей и бестолковой семьи. <...> Мы жили в подвале. (188)

3. Традиционная талмудическая ученость отца/деда героя.

В. Отец мой был не только набожный еврей, но и замечательный талмудист. Он дни и ночи просиживал над Талмудом, мало заботясь о мирских делах. (4)

Б. Мой дед был раввином когда-то в Белой Церкви (155)

Б. Я выволакивал его <деда> сокровища одно за другим: грамматики на всех языках и шестьдесят шесть томов Талмуда. (189)

4. Герой получает традиционное религиозное образование.

В. Я успешно справился с Талмудом и знал наизусть целые тома по-древнееврейски (37)

Б. В детстве, пригвожденный к Гемаре, я вел жизнь мудреца (199)

5. Скверное, недостойное окружение.

В. Меня окружали самые прозаические евреи – мелкие торговцы, ремесленники, поденщики, лавочники, – только и думавшие о том, как бы заработать несколько грошей, с тем, чтобы сейчас же пустить их дальше в оборот, – старьевщики, нищенки, разносчики и т.д. (84)

Б. Гробовщики, канторы, еврейские пьяницы, поварахи на брисах и проходимцы, производившие ритуальную операцию <...>. Все это были вздорные люди, косяноязычные, с шишковатыми носами, прыщами на макушке и косыми задами. (188)

6. Слабое здоровье героя.

В. Вамбери постоянно пишет – примеров множество – о своей врожденной тяжелой хромоте, о том, что в детстве он ходил, опираясь на костыль, который потом с большим трудом смог заменить тростью. (37, 45)

Б. Как все евреи, я был мал ростом, хил и страдал от ученья головными болями. (155)

Б. Мне шел четырнадцатый год, но по росту и хилости меня можно было сбить за восьмилетнего. (195)

7. Подавление восстания.

В. На Вамбери – о чем он неоднократно упоминает – в детстве произвело сильное впечатление подавление Венгерского восстания и жестокая расправа русских солдат с повстанцами (один из таких фрагментов приведен выше, 137).

Б. В давние времена Шойл <дед главного героя> был корчмарем в Сквире; он видел, как солдаты Николая Первого расстреливали графа Годлевского и других польских инсургентов. (156)

8. Страсть к чтению (следует отметить особенно близкое сходство этих отрывков).

В. В то время как остальные школьники проводили свободное время в играх и забавах и занимались спортом, я с увлечением читал различные путешествия, описания геройских подвигов и всевозможные сочинения исторического содержания. Книга была для меня не только другом и утешением в трудную минуту жизни. Она облегчала переносить ужасные муки голода: иногда я настолько увлекался чтением, что вовсе позабывал про еду. (45–46)

Б. Я читал во время уроков, на переменах, по дороге домой, ночью – под столом, закрывшись свисавшей до пола скатертью. За книгой я проморгал все дела мира сего – бегство с уроков в порт, начало бильярдной игры в кофейнях на Греческой улице, плавание на Ланжероне. У меня не было товарищей. Кому была охота водиться с таким человеком? (182–183)

9. Безудержная фантазия.

В. Мне только исполнилось четырнадцать лет, а голова уже была полна всяких планов, как устроить свою дальнейшую жизнь, и в воображении рисовались воздушные замки один другого краше. (45)

Б. Я был лживый мальчик. Это происходило от чтения. Воображение мое всегда было воспламенено. (182)

Б. Всю неделю после этого визита я воображал себя директором банка. Я совершал миллионные операции с Сингапуром и Порт-Саудом. Я завел себе яхту и путешествовал на ней один. (186)

Одна черта сближает героя «автобиографического» цикла Бабеля с детскими годами Вамбери сильнее всего. Герой «рассказов о детстве» не просто много читает, он читает стихи, заучивает их наизусть и, чтобы достичь успеха, самозабвенно их декламирует. В «Истории моей голубятни» он декламирует «Полтаву» Пушкина на вступительном экзамене в гимназию и благодаря этому, преодолев все препоны, успешно поступает в нее [Бабель 2005, 153]. В рассказе «В подвале» герой, напротив, безуспешно пытается переломить трудную ситуацию, декламируя отрывки из шекспировского «Юлия Цезаря» [Бабель 2005, 189–192].

Близкие по смыслу эпизоды мы находим в биографии Вамбери [Вамбери 1914]. В скобках указаны номера страниц.

Вамбери выучивает языки, читая стихи:

У меня явилось желание заняться русским языком. <...> Я весь ушел в произведения Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, Державина и других русских писателей. (83)

Более того, он учит языки, чтобы читать стихи. Например, едва выучив персидский, Вамбери сообщает:

У меня появились новые кумиры – Саади, Джами и Хакани. (89)

Однако Вамбери с самого раннего детства не только учит стихи наизусть:

Я знал наизусть длиннейшие отрывки из итальянских поэтов, из Байрона, Пушкина, Тегнера и Саади (93),

но и декламирует их:

Растянувшись на траве, я громко декламировал отрывки из «Гомера» и увлеклся при этом до такой степени, что не замечал, как подходил пастух, пасший поблизости свое стадо. (87)

Публичная декламация стихов постоянно выручает Вамбери во всевозможных передрыгах его юности. В 1856 г. он отправляется в Стамбул, чтобы усовершенствоваться в восточных языках. На палубе парохода, плывшего в Турцию, Вамбери декламирует сонеты Петрарки, за что кок-итальянец его кормит (98). В стамбульских кофейнях он зарабатывает на кусок хлеба тем, что декламирует стихи на турецком и персидском (105). Постепенно Вамбери осознает, что декламация дает ему власть над людьми, гипнотизирует их. Вамбери пишет:

Стоило мне усесться посреди кофейни и начать свое чтение нараспев, как посетители умолкали, и в помещении устанавливалась полнейшая тишина. <...> Я мог до такой степени овладеть вниманием моих слушателей, что они казались точно загипнотизированными. (106)

Именно внушение, почти гипноз, – это то, чем герой «Истории моей голубятни» воздействует на недоброжелательного экзаменатора, помощника попечителя учебного округа, взяв в руки «Полтаву» [Бабель 2005, 182]:

Я кричал пушкинские строфы изо всех сил. Я кричал их долго, никто не прерывал безумного моего бормотанья.

Совпадающие черты биографии и характера юного Вамбери и подростка из бабелевских «рассказов о детстве» образуют устойчивый комплекс. Очерк «Финны» указывает на знакомство Бабеля автобиографией Арминия Вамбери, что, в свою очередь, заставляет думать о венгерском лингвисте и путешественнике как о прототипе протагониста рассказов из цикла «История моей голубятни».

Источники

- Бабель 1979 – *Бабель И.Э.* Забытый Бабель: Сборник малоизвестных произведений И. Бабея. Ann Arbor, 1979.
- Бабель 1989 – *Бабель И.Э.* Пробуждение. Тбилиси, 1989.
- Бабель 1990 – *Бабель И.Э.* Публицистика. М., 1990.
- Бабель 2005 – *Бабель И.Э.* Собр. соч. в 4-х т. Т.1. М., 2005.
- Вамбери 1914 – *Вамбери А.* Моя жизнь. М., 1914.
- Вамбери 2003 – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003.
- Вениамин 2004 – Книга странствий раби Вениамина // Три еврейских путешественника. М., Иерусалим, 2004. С. 65–195.
- Пирожкова 1989 – *Пирожкова А.Н.* Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 237–314.
- Тихонов 1957 – *Тихонов Н.* Вамбери. М., 1957.
- Эльдад 2004 – Книга Эльдада Данита // Три еврейских путешественника. М., Иерусалим, 2004. С. 19–45.

Литература

- Дымшиц 2005 – *Дымшиц В.* Русско-еврейский обманщик // Хроника еврейских сомнений. СПб., 2005. С. 65–80.
- Дымшиц 2018 – *Дымшиц В.* «Небо, улетающее как птица!» (Образ Финляндии в прозе Осипа Мандельштама и Исаака Бабея) // *Judaic-Slavic Journal*. 2018. № 1. С. 44–58.
- Ramstedt 1946 – *Ramstedt G.J.* The relation of the Altaic languages to other language groups // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Bd. LIII, 1946–1947. P. 15–26.

«Ancient Turks» and Armin Vambery: In Search of the Prototype of the Main Character of Babel's Pseudo-autobiographical Short Stories

Valery Dymshits (St. Petersburg, Russia)

Researcher, Interdepartmental Center «Petersburg Judaica», European University at St. Petersburg

6/1A Gagarinskaya Street, 191187 St. Petersburg

E-mail: vodym1959@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1099-9917

Abstract: Isaac Babel's essay «The Finns» dealing with the Civil war in Finland was published in 1918. In his essay, the writer strongly emphasizes the similarity between the Finns and the nomads of Asia, the ancient Turks. This unexpected juxtaposition indicates Babel's familiarity with the books and biography of the Hungarian orientalist, traveler and linguist Armin Vambery. Comparison between the Russian translation of Vambery's autobiography «My life» and Babel's pseudo-autobiographical short stories about childhood («Story of My Dovecote», «First Love», «In the Basement», «Awakening») shows that Vambery was the prototype of the protagonist of the famous short stories.

Keywords: Isaac Babel, Armin Vambery, Finland

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.2.2

References

- Dymshits V. Russko-evreiskii obmanshchik// Khronika evreiskikh somnenii. St. Peterburg, 2005. P. 65–80.
- Dymshits V. «Nebo uletaiushchee kak ptitsa!» (Obraz Finlandii v proze Isaaka Babelia i Osipa Mandelshtama) // Judaic-Slavic Journal. 2018. № 1. P. 44–58.
- Ramstedt 1946 – Ramstedt G. J. The Relation of the Altaic Languages to Other Language Groups // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. LIII, 1946–1947. P. 15–26.